

УДК 81+004.6

DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-1-166-176

Особенности языковой экспликации оппозиции «мы – они» в неформальной коммуникации российских студентов об организации учебного процесса

Саркисова А.Ю., Александрова Ю.К.

Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
E-mail: sarkisova@data.tsu.ru; jalexandrova@data.tsu.ru

Аннотация. Особенности лингвопрагматики обнаруживают интересное воплощение в неформальной коммуникации. В коммуникации российских студентов в социальных сетях, посвящённой организации образовательной деятельности, очевидно наличие оппозиции «мы – они», более типичной для политического дискурса и соответственно привлекающей внимание исследователей именно в аспекте политической лингвистики. Авторами на большом эмпирическом материале прослежены особенности языковой экспликации данной оппозиции в студенческих сообщениях периода пандемии в наиболее популярной российской социальной сети «ВКонтакте». Цель исследования – выявить особенности лингвистической экспликации данной оппозиции и декодировать прагматические установки авторов сообщений на большом эмпирическом материале. Анализируются такие особенности лингвистической экспликации оппозиции «мы – они», как лексические репрезентанты данной дихотомии, метонимические переносы часть – целое (индивид – группа; частный случай – общая закономерность), регулярные выступления от коллективного лица, обращения к группе, риторические вопросы, негативные оценки, манипуляции, групповые нарративы, ирония и сарказм (средства дискредитации оппонентов), речевая агрессия и др. Результаты представляют интерес как в аспекте выявления особенностей речевого поведения личности и коллективного, массового мироощущения в условиях «своей» аудитории, так и в плане исследования специфики речевого воздействия в разных типах дискурса.

Ключевые слова: оппозиция «мы – они», стратегии речевого воздействия, социальные сети, студенческие сообщества, онлайн-коммуникация, групповое языковое сознание, коммуникативное поведение

Для цитирования: Саркисова А.Ю., Александрова Ю.К. 2023. Особенности языковой экспликации оппозиции «мы – они» в неформальной коммуникации российских студентов об организации учебного процесса. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 42(1): 166–176. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-1-166-176

Linguistic Explication of the Opposition “We – They” in the Informal Communication of Russian Students

Anna Yu. Sarkisova, Yuliya K. Alexandrova

National Research Tomsk State University,
36 Lenin Av., Tomsk 634050, Russia

E-mail: sarkisova@data.tsu.ru; jalexandrova@data.tsu.ru

Abstract. Features of linguistic pragmatics reveal interesting embodiment in informal communication. In Russian students' social networks communication on the organization of educational activities the presence of the opposition "we – they" is obvious despite being more typical of political discourse. The article uses extensive empirical material to trace the features of the linguistic explication of this

opposition in the messages of students during the pandemic in the most popular Russian social network “VKontakte”. The purpose of the study is to identify the features of the linguistic explication of this opposition and decode the pragmatic attitudes of the authors of messages on a large empirical material. The texts contrast students as recipients of educational services (“we”) and university employees who organize the educational process (“they”). The specificity of rhetoric is determined by the unambiguous orientation to “their” audience. The pragmatic intentions of the authors is to find support, express solidarity, express emotions. Messages are distinguished by some theatricality and carnivalism. The characteristic of the “we” group is weakly manifested (in contrast to political discourse), the subject of discussion-criticism in the vast majority of messages is “they”. The article analyzes such features of the linguistic explication of the opposition “we – they” as lexical representatives of this dichotomy, metonymy “part – whole” (“individual – group”; “special case – general pattern”), permanent speeches from a collective person, appeals to a group, rhetorical questions, negative assessments, manipulations, group narratives, irony and sarcasm (means of discrediting opponents), verbal aggression, etc. The results are of interest both in terms of identifying the features of the individual’s speech behavior and the collective, mass worldview in the conditions of “one’s own” audience, and in terms of research specifics of speech impact in different types of discourse.

Keywords: “we – they” opposition, speech impact strategies, social networks, student communities, online communication, group consciousness, communicative behavior

For citation: Sarkisova A.Yu., Alexandrova Y.K. 2023. Linguistic Explication of the Opposition “We – They” in the Informal Communication of Russian Students. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 42(1): 166–176 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-1-166-176

Введение

Социальные сети, будучи пространством публичной коммуникации, в полной мере отражают типовые речевые модели и стратегии медиадискурса.

Одним из приёмов, реализующих, как правило, стратегические задачи дискредитации оппонентов и поддержания солидарности с группой, является концептуальная оппозиция «свой – чужой» и её частная реализация – оппозиция «мы – они». Признаваемый «фундаментальный характер данной оппозиции определяется ее участием в формировании всевозможных представлений о бинарной структуре мира, а также о ее организованности по принципу «своё – чужое» [Иванова, 2016, с. 63] (см. также [Егоров, 2020; Пономаренко и др., 2020; Салимова, 2021]). Поляризация групп и сообществ провоцирует определённый тип коммуникации и коммуникативных реакций [Moscatelli, Rubini, 2021; Wojcieszak et al., 2022].

Оппозиция «мы – они» находит наиболее яркое выражение в политическом дискурсе [Шейгал, 2004; Красильникова, 2005; Алиева, 2013; Григорьева, 2020; Гридина, Конова-лова, 2021]. В политической коммуникации рассматриваемая бинарная оппозиция является ядерной: стратегия неизменно состоит в выгодной репрезентации «своих» с целью получения определённых политических дивидендов, привлечения сторонников, укрепления идеологической позиции среди целевой аудитории, с одной стороны, и создании негативных моделей восприятия «чужих», с другой стороны.

Представляют интерес особенности функционирования и репрезентации оппозиции «мы – они» не в политическом дискурсе, а в коммуникации, по умолчанию свободной от обязательного разграничения сфер интересов.

Важно отметить, что в студенческих сообществах социальных сетей в принципе традиционно высока степень экспрессивности общения, при этом преобладают высказывания негативной тональности. Отчасти это проявление специфики коммуникации в социальных сетях в целом: исследователи называют социальные сети «жалобной книгой» и подчёркивают, что в социальных сетях пользователи намного более склонны высказываться негативно [Щекотин и др., 2020, с. 81–82]. Отмечают также возрастной фактор – склонность

к максималистским суждениям и относительно низкий уровень толерантности молодёжи, провоцирующие оппозицию «мы – они» в коммуникации студентов [Кардинская, 2019].

Даже с учётом этих объективных факторов в современных российских студенческих пабликах социальных сетей, посвящённых проблемам обучения в вузе, очевидно резко выраженное противопоставление студентов («своих») – лицам, ответственным за организацию учебного процесса, – прежде всего преподавателям, а также руководителям организаций и учебных подразделений, методистам кафедр, представителям отдела расписания и др.

Актуальность исследования обусловлена 1) интересом междисциплинарного научного знания к особенностям группового языкового сознания современных российских студентов в контексте социально значимых проблем, связанных со сферой высшего образования, пандемией, молодёжным восприятием статусно-ролевых отношений и институций; 2) изучением лингвистических механизмов речевого воздействия и коммуникативного поведения в «своей» среде; 3) ролью социальных сетей в современной коммуникации и формировании общественного мнения; 4) привлечением эмпирии больших данных, введением в научный оборот нового аутентичного материала; 5) слабой проработанностью оппозиции «мы – они» в неформальной коммуникации в лингвистическом аспекте.

В данной работе исследуется специфика экспликации оппозиции «мы – они» в представленных в социальной сети «ВКонтакте» студенческих сообщениях (постах), посвящённых вопросам организации учебной деятельности в период пандемии. Цель исследования – выявить особенности лингвистической экспликации данной оппозиции и декодировать прагматические установки авторов сообщений на большом эмпирическом материале.

Объекты и методы исследования

Источником послужили университетские паблики социальной сети «ВКонтакте» авторами которых являются, как правило, студенты данных учебных заведений, существенно реже – выпускники, преподаватели и сотрудники. Контент сообществ был извлечён с помощью открытого API. Извлечённый контент охватывает 548 вузов Российской Федерации, 2 168 пабликов «ВКонтакте», около 2 млн сообщений. Период выборки: с 1 сентября 2020 г. по 31 июля 2021 года.

С помощью программного обеспечения PolyAnalyst¹, функционирующего на базе суперкомпьютера НИ ТГУ «СКИФ Cyberia» и доступного через Центр коллективного пользования, была проведена первичная обработка данных: из массива удалены сообщения, не содержащие текстовый контент (только картинка), и тексты объёмом менее 50 символов. Далее для сокращения ручной разметки с помощью слов-маркеров удалены нерелевантные сообщения, например, различные объявления (покупка/продажа/обмен вещей, аренда жилья и т.д.). На следующем этапе была проведена ручная разметка постов и комментариев пользователей по тематическим категориям с присвоением тональности (нейтральная/позитивная/негативная). Были выделены следующие тематики: 1) «учебная вовлеченность и взаимодействие с профессорско-преподавательским составом», 2) «стресс и психологическое благополучие», 3) «социальная сфера», 4) «финансы».

Для настоящего исследования в качестве материала выбраны сообщения первой группы, включающие в себя мнения студентов по поводу учебного процесса и работы преподавателей, в том числе затрагивающие системные проблемы образовательного процесса (сессия, домашние задания, лекции, самостоятельная работа студентов, экзамены, дедлайны, документооборот, техническое обеспечение учебного процесса, личные кабинеты, канал Интернета и т.д.), отношение к преподавателям / научным руководителям и качеству преподавания в вузе, коммуникации между преподавателями и студентами. К данной категории отнесено 1 058 сообщений.

¹ <https://www.megaputer.com/ru/polyanalyst/>

Методологической основой исследования послужили работы в области теории речевого воздействия (Т. Ван Дейк [1989], Р.М. Блакар [1987], О.С. Иссерс [2017] и др.) и текстовой реализации оппозиции «свой» – «чужой» (В.К. Егоров [2020], Ю.М. Лотман [1996], Е.И. Шейгал [2004] и др.).

Для достижения цели исследования использовались количественный метод, аналитическое описание языковых данных, лингвопрагматический и риторический анализ.

Результаты и обсуждение

Ручное ранжирование текстов показало, что из 1 058 извлечённых студенческих сообщений 250 (то есть каждое четвёртое) содержит оппозицию «мы – они».

Одновременно проведённый анализ тональности текстов выявил, что из 1 058 текстов 657 имеют негативную тональность и только 94 – позитивную. Таким образом подтвердилось, что в целом студенты склонны высказываться в негативном ключе в неформальной внутригрупповой онлайн-коммуникации по тематике образования и организации учебной деятельности. Рассматриваемый в данном исследовании материал в основном отмечен отрицательными коннотациями, конфликтной семантикой, нагнетанием резких утверждений и оценок. Данная особенность представляется именно атрибутом онлайн-коммуникации и типом коммуникативной ситуации.

Концептуальная оппозиция «мы – они» представлена следующими словами-репрезентантами (в скобках здесь и далее указано количество упоминаний в данной функции в выборке 250 сообщений).

– «Мы»: *студенты* (103), *мы* (71), *группа* (27), *иногородние студенты* (4), *заочники* (3), *студенты из Казахстана* (3), *поток* (2), *ординаторы* (2), *иностранные студенты* (1), *коммерческие студенты* (1).

– «Они»: *преподаватели* (78), *преподы* (46), *университет* (27), *вуз* (24), *деканат* (24), *руководство* (20), *универ* (16), *академия* (10), *кафедра* (10), *политех* (8), *ректор* (7), *методисты* (5), *отдел расписания* (4), а также названия конкретных вузов.

Реализация оппозиции «мы – они», по сравнению, например, с межкультурной или политической коммуникацией, имеет в студенческой неформальной коммуникации выраженную специфику.

Характеристика группы «мы»

Первым признаком, определяющим данную специфику, является тот, что «свои» в постах, за редким исключением, не обсуждаются никоим образом. Предметом коммуникации – преимущественно критики – выступают «они»: содержание типового сообщения представляет собой жалобу и осуждение лиц, из-за которых студенты сталкиваются с определёнными неудобствами в процессе обучения в вузе. «Мы» – это своего рода жертвы, которые зависят от множества людей и обстоятельств, не несут ответственности за учебный процесс. Портрет «нас» не вырисовывается. Максимально невнятный образ «своих» резко отличает студенческую коммуникацию от упомянутого выше политического дискурса: у коммуникантов как группы нет необходимости создавать себе репутацию, формулировать и защищать свою идеологию; права и значимый статус студентов выступают как что-то само собой разумеющееся, признаваемое по умолчанию. Цель произвести хорошее впечатление на аудиторию, сохранять лицо – отсутствует. По итогу чтения текстов трудно говорить о каких-то социальных ценностях группы, положительной программе.

Слова-репрезентанты группы «мы» не сочетаются в текстах с оценочной лексикой. Так, например, слово «студент(ы)» сопровождается определением (именем прилагательным) 28 раз, при этом использованы в основном относительные прилагательные (*коммерческие студенты*, *иностранные студенты* и т.п.), безоценочные качественные (*больные студенты*, *здоровые студенты*), прилагательные, обозначающие студента как субъекта

оценки, а не объекта (*недовольные студенты, мотивированные студенты*), или иногда выражающие сарказм (*неудобные студенты, жалкие студенты*).

Главная прагматическая установка авторов постов – найти поддержку среди «своих», подтвердить для себя наличие единомышленников. О типе аудитории как центральном факторе реализации оппозиции «свой – чужой» пишет О.С. Иссерс: «Выбор имиджа осуществляется на основе прогнозирования аудитории. Задача понравиться "своему народу" является, по сути говоря, коммуникативной стратегией» [Иссерс, 2017, с. 206]. В данном случае сообщения предназначены именно для аудитории «своих», преподаватели и представители вузовской администрации нечасто заходят в данные неформальные сообщества и крайне редко пишут. Вопросы студентов к ним носят риторический характер и на самом деле представляют собой обращение к «своим» (*Препода, которые ставят свои отработки, зачеты и тесты после 27.12, ВЫ АЛЛО ВОООБЩЕ? Вам оливье не принести в аудиторию? Или: Препода, зачем вы вели весь сем пары онлайн, а экз ставите очно? В чем смысл?*). Частотны и прямые обращения в форме побудительных предложений к преподавателям, но они опять же обращены не непосредственно к ним, а имеют целью выплеснуть эмоции и получить отклик от «своих»: об этом говорит, например, обилие нецензурной лексики как маркер реальной коммуникативной ситуации (*Препода, говорите баллы ДО нового года, а не за пару дней до экзамена б...ть*).

Данные высказывания эксплицируют типичную для оппозиции «мы – они» борьбу за свои интересы. Подразумеваются определённые конвенциональные правила, регулирующие образовательный процесс, которые регулярно нарушаются «ими». Как и в других дискурсах, репрезентирующих оппозицию «мы – они», здесь она способствует оценке ситуации, фиксации «точки зрения». Коммуникация – способ выразить протест против действий «их», угрожающих правильному «миропорядку».

Подобно тому, как в медицинских онлайн-сообществах пациенты обмениваются социальной поддержкой [Jiang et al., 2022], в неформальных студенческих сообществах выражение негативных настроений даёт высокие шансы на эмоциональную поддержку. Однако информационная поддержка, в отличие от медицинских сообществ, не характерна для данных сообществ.

Буквальные обращения к «своим» также частотны, отличаются эмоциональной лексикой и нагромождением тропов и фигур (*дорогие мои сокамерники, часто ли вуз вызывает у вас чувство отчаяния? везде завал, моральные силы взяли отпуск, уйти в академ нельзя, как и отчислиться, потому что родители платят*).

Сообщения, как правило, не остаются без реакции. Из 250 сообщений, репрезентирующих оппозицию «мы – они», 210 отмечены комментариями, 227 – лайками, 168 – репостами. В целом со стороны аудитории наблюдается ожидаемая реакция и желательные для говорящего эмоции. Реактивное поведение функционально также с точки зрения включения участников в групповое сообщество, так как «участие в дискурсивной практике комментария – это участие в социальной жизни» [Лабутина, Топчий, 2020, с. 101].

Иногда (однако, что симптоматично, относительно нечасто) звучат призывы защищать свои интересы, жаловаться, создавать прецеденты (*По поводу нашумевших в деканатах постов про то, что преподаватели ставят отработку занятий (с запиской деканата), тесты и зачёты вне расписания после 28.12.20 как староста потока с 5-летним стажем скажу вам, что вы смело можете сообщать в свой деканат о подобных инцидентах! Это незаконно*). Выражение солидарности – одна из ключевых особенностей реализации оппозиции «мы – они». Тем не менее российские студенты более склонны к пассивному выражению недовольства (цифровой активизм).

Яркой особенностью наличия оппозиции «мы – они» в студенческих постах является то, что все жалобы звучат от коллективного лица («мы»). Частный случай возводится в общую закономерность (*Препода, которые ставят свои пары в конце декабря взамен пропущенных (по вине самого препода), вы алло вообще? Студенты не виноваты, что вы*

болели или были заняты в сентябре-октябре. Но какого лешего мы отработываем прямо до Нового Года из-за вас?!). Стабильно прослеживается желание подчеркнуть типичность ситуации. Личная экспрессия, спровоцированная скорее всего конкретными текущими событиями, выдаётся за общегрупповую (*Срочно! Как поменять препода!? Наша группа больше не может у него учиться, это ад...*).

Слово «студенты» (или метонимическое «студент») встречается 103 раза. Личное, индивидуальное максимально имплицировано. Индивидуальные пожелания по конкретным поводам почти всегда сопровождаются ссылкой на студентов как группу (*Почему нас не могут закрыть на дистанционное обучение? Ведь студенты болеют, уезжают домой и набирают долги*).

В жалобах, как правило, возникают различные немудрёные манипуляции. Например, типовой является спекуляция на коронавирусе (*Анонимно. Стало известно, что сессия в январе у очной формы обучения будет проходить очно. Очень много студентов являются приезжими из других регионов. На новогодние праздники эти студенты поедут домой по разным регионам России. Студенты же могут в пути заразиться коронавирусом и это может привести к вспышкам вируса. Симптомы вируса проявляются не сразу, а студенты вернутся в Ростовскую область за 2 дня или за день до начала экзаменов, поэтому принятые санитарные нормы в вузах не помогут, так как симптомы не сразу проявляются*). Показательно, что в целом российская молодёжь отличается низкой заботой о здоровье в период пандемии и пренебрежением средствами и мерами защиты (см., например: [Simaeva, Budarina, 2021]), в данных же текстах «забота о здоровье» – один из наиболее частотных нарративов.

Групповое поведение определяется групповыми нарративами [Blisc, Chidley, 2022]. Студенческие сообщества демонстрируют, прежде всего, *объединяющие* внутригрупповые нарративы. Нарративов, провоцирующих внутригрупповые конфликты, в рассматриваемой выборке не встретилось.

Исследователи отмечают свойство социальных сетей – лишать человека автономии [Sahebi, Formosa, 2022]. Под автономией авторы понимают развитие автономных компетенций, наличие подлинных целей, контроль человека над ключевыми аспектами собственной жизни в противоположность манипулированию, принуждению и контролю со стороны других лиц. Однако во многом лишение автономии ограничивается цифровой жизнью и не накладывает офлайн-обязательств.

Характеристика группы «они»

Характер негативных высказываний в адрес преподавателей и других лиц, ответственных за организацию учебного процесса, в целом конструирует крайне нелицеприятный их образ.

Часто сообщения отличают ирония и откровенная дискредитация, высмеивание «их»: *Спасибо любимому политехническому за возможность отдохнуть. Забота преподавателей о студентах просто бесценна, из 5 пар, у нас была одна. Всегда мечтал о таком университете. Сошлись все звезды. Я понимаю, что в конце семестра эти преподаватели перестанут быть добрыми и у них случится амнезия. Но что тут поделать? Это жизнь!*

Имеют место сообщения как не содержащие никакой конкретики и аргументации, а выражающие отношение в целом (*правда ли, что в горниле ада черти придумывали план по созданию этого замечательного вуза, чтобы студенты обучаясь либо перегорали, либо становились сами чертями?*), так и вызванные конкретным поводом (*Преподаватели имеют право переносить в зуме пары на вечер, если утром (в уч. время) у них дела?*). И в тех, и в других неизменно наблюдаются смешение единичного и типового, выступление от лица студенческого сообщества в целом, экспрессивная риторика.

Авторы постов не церемонятся в выражениях, сообщения часто отличаются агрессивной. Например: *Нашим преподам теперь мягкого говоря плевать не только на нас, но и на*

свои предметы! Чтобы закрыть долг нужно чуть ли не УМОЛЯТЬ препода посмотреть работу на почте, и так весь этот семестр. Я уже молчу про неадекватные и грубые комментарии в ответах. Это не [название вуза – А.С., Ю.А.], это рили шарага! Анон пожалуйста.

В характеристике «их» регулярно используется оценочная лексика, например, *нормально* (20), *адекватный* (5), *невозможно* (6), *плохо* (6), *отвратительный* (4) и др.

Заметной чертой реализации оппозиции «мы – они» в студенческой коммуникации является карнавальность (*Лично ректору рекомендую баллотироваться на должность президента. Вы явно переросли своё кресло и пытаетесь за счёт студентов расширить пределы ваших полномочий*). Обращения к «ним» характеризуются нарушением статусно-ролевых отношений, а также отказом от соответствующего речевого этикета.

Часто в студенческих сообщениях «они» маскируются под словами «университет», «институт», «вуз» и т.д., активно используется подобного рода метонимия: *Универ так жаждет уйти на дистант, что специально создает условия для заражения короной или как? Или: Мне одному кажется, что основная задача института, в частности нашего, не в воспитании специалистов а в том, чтобы отбить у большинства студентов любые амбиции и стремления?* Таким образом, есть некоторый выход на образовательную систему как объект критики в противоположность обвинениям в адрес конкретных лиц.

Институциональность является особенностью коллективного сознания русских: мишенью для осуждения в медиадискурсе и бытовом общении часто выступают не отдельные личности, а институты власти [Красильникова, 2005, с. 96]: характерные для политического дискурса политическая апатия, недоверие к власти, способность увидеть за недостатками конкретных людей изъяны системы коррелируют с отношением российских студентов к образовательной системе, отражённым в социальных сетях.

Любопытно и то, что в таких высказываниях студенты не ассоциируют себя с университетом, не считают себя его частью. Коллективная идентичность («студенты») обнаруживается прежде всего для группового противостояния «им». Наблюдается риторика отчуждения и конфликтности (которая, однако, всё же носит театральный, демонстративный характер).

В характеристике «их» также распространены неопределённо-личные предложения (*Анонимно. Почему такое наплевательское отношение ко своим студентам? В группе заболел человек ковидом, но группу не закрывают. Молодцы*). В ряде сообщений «они» вовсе абстрагируются: *Давайте предложим что-то конструктивное? Не, зачем, лучше будем свистеть, что всё у нас есть и только ленивый не учится. ПОЛИТЕХ ЛУЧШЕ ВСЕХ! Только вот студентам говорят одно, преподавателям совсем другое, а делают третье.*

Ещё одной особенностью рассматриваемого дискурса является то, что граница между «мы» и «они» периодически оказывается подвижной. В таком случае эффект поляризации нейтрализуется, в противовес системе или администрации преподаватели и студенты выступают единым фронтом: *Политех, ну как так. Пишут, что университет готов к смешанной форме обучения, а по итогу преподаватели остались без технического оснащения и выкручиваются как могут. Стыдно.*

В контексте исследуемой проблемы представляют интерес также примеры, когда «они» низводятся до «нас»: *Когда пришел на экзу кланчить у препода 4 и видишь такого же лодыря как и ты сам. Или: Университет забил на студентов – студенты забили на университет. Вот вся суть дистанционного обучения.* К преподавателю предъявляются более высокие требования, чем к студенту; то, что простительно студенту, вызывает в студенческой среде неуважение в случае преподавателя, поэтому уравнивание «нас» и «их» используется в качестве дискредитации последних. Преподаватель лишается своего высокого статуса, его миссия нивелируется.

В целом прослеживаются (свойственное русскому менталитету вообще) достаточно высокое представление о назначении преподавателя, повышенные требования к профессии. Привлекается внимание к тому, что эти требования, с точки зрения говорящих, не выдерживаются – это вызывает возмущение и протест.

Заключение

В ходе исследования было обнаружено следующее:

1. Анализ большого массива данных показал, что в сообщениях студентов в социальной сети, посвящённых организации учебного процесса, очевидно противопоставление студентов как получателей образовательных услуг («мы») и сотрудников вузов, организующих образовательный процесс («они»). Авторами постов подчёркивается объединение «своих» и демонстрируется разобщённость «своих» с «чужими».

2. Причины данной оппозиции видятся больше в специфике типа коммуникации (неформальное общение, «своя» аудитория, анонимность). Коммуникация выполняет функцию снятия стресса, прагматические цели авторов – найти поддержку, выразить солидарность, выплеснуть негативные впечатления, озвучить пожелания, которые не могут быть озвучены офлайн, оставить негативный отзыв о вузе или преподавателе. Основная стратегия – формирование общего эмоционального настроения. Целевая аудитория постов – другие студенты. Риторика текстов демонстрирует определённую театральность, иногда карнавальность. Сообщения слабо выражают цель изменения ситуации, сообщения в жанре совета или просьбы о совете встречаются редко.

Социальные ценности «своих» выражены в текстах слабо. Интерес, например, к качеству обучения или поддержке престижа вуза в текстах практически не проявлен (ср. с экспликацией приоритетов иностранных студентов [Juraković et al., 2022]). Критические отзывы в адрес «их» больше связаны с удобством организации обучения, обеспокоенностью о здоровье в пандемию, личными отношениями с конкретными преподавателями, недовольством манерой коммуникации в учебных подразделениях и т.п. Тексты демонстрируют минимальную степень субъектности в изображении «своих», портрет «нас» не выражен. Коллективное «мы» не выступает носителем активности и ценностей, но выступает носителем солидарности. Проглядывается определённая мера инфантильности коммуникантов, психологическая установка на отсутствие ответственности (вся ответственность перекладывается на «их»). Некоторые посты, тем не менее, отражают реальные проблемы организации образования в период пандемии.

3. Оппозиция «мы» – «они» выступает инструментом эффективного воздействия. Лингвистическими средствами её экспликации выступают регулярные сообщения от лица группы, а не от себя лично; нейтрализация индивидуального; смешение частного и общего в характеристике «их» («преподаватели» вместо «преподаватель/ФИО» в изложении конкретных ситуаций); негативная лексика в характеристике «чужих»; высокая эмоциональность и использование большого количества риторических средств воздействия на собеседника.

Теоретическое значение полученных результатов состоит в уточнении некоторых аспектов выявления особенностей речевого поведения личности и коллективного, массового мироощущения в условиях «своей» аудитории, с одной стороны, и специфики речевого воздействия в разных типах дискурса, с другой стороны. Практическое значение исследования видится в обеспечении более адекватного восприятия сторонним реципиентом (в данном случае читателем социальных сетей) речевых манипуляций и прагматических стратегий коммуникантов в текстах социально значимых тематик.

Список литературы

- Алиева Т.В. 2013. Языковые средства реализации концептуальной оппозиции «свой – чужой» в британском политическом дискурсе. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 28 с.
- Блакар Р.М. 1987. Язык как инструмент социальной власти. В кн.: Язык и моделирование социального взаимодействия. Москва, Прогресс: 88–125.
- Григорьева Е.Г. 2020. Концептуальная оппозиция «мы – они» в американском политическом дискурсе (на примере послевыборной речи Д. Трампа). В кн.: *Фундаментальная наука и технологии – перспективные разработки. Материалы XXIV международной научно-практической конференции*, North Charleston, 7–8 декабря 2020 года. LuluPress, Inc.: 227–230.
- Гридина Т.А., Коновалова Н.И. 2021. Речевые репрезентанты этностереотипов в современной политической коммуникации в свете оппозиции «свои» – «чужие». *Лингвокультурология*, 15: 47–56.
- Дейк ван Т. А. 1989. Язык. Познание. Коммуникация. Москва, Прогресс, 312 с.
- Егоров В.К. 2020. Ещё раз об оппозиции «свой – чужой». *Коммуникология*, 8(1): 138–154. DOI: 10.21453/2311-3065-2020-8-1-138-154
- Иванова А.А. 2016. Семантические поля оппозиции «мы – они» в современном русском языке. В кн.: *Актуальные вопросы организации волонтерской деятельности в рамках подготовки к универсиаде 2019: лингвопереводческий, психолого-педагогический, организационно-управленческий и социальный аспекты. Сборник трудов Международной научно-практической конференции*, Красноярск, 20–21 октября 2016 г. Т. II. Под ред. Ж.А. Сержановой. Красноярск, Сибирский государственный технологический университет: 63–65.
- Иссерс О.С. 2017. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Под ред. Н.А. Купиной. Москва, ЛЕНАНД, 308 с.
- Кардинская С.В. 2019. Дискурсивные практики нетерпимости и ксенофобии в студенческой среде (по материалам фокус-групп со студентами СПбГУПТД). В кн.: *Современные СМИ в контексте информационных технологий. Сборник научных трудов IV Всероссийской научно-практической конференции – 2018*, Санкт-Петербург, 16 апреля 2018 года. Под ред. Н.Б. Лезуновой. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна: 65–72.
- Красильникова Н.А. 2005. Оппозиция «мы» – «они» в дискурсе экологических движений Англии, России и США. *Известия Уральского государственного педагогического университета. Лингвистика*, 15: 85–102.
- Лабутина В.В., Топчий И.В. 2020. Оппозиция «мы» – «они» в дискурсивной практике комментария сетевого медиаконтента. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика*, 1: 101–105.
- Лотман Ю.М. 1996. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. Москва, Языки русской культуры, 464 с.
- Пономаренко И.Н., Крыжановская В.А., Сегал Н.А. 2020. Асимметричная основа антигезы с оппозицией свой / чужой в современных медиатекстах. *Вопросы когнитивной лингвистики*, 3: 111–116. DOI: 10.20916/1812-3228-2020-3-111-116
- Салимова Р.М. 2021. Бинарная оппозиция «свой» – «чужой» (на примере британского медиaprостранства). *Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки*. Вып. 126: 158–163. DOI: 10.47475/1994-2796-2021-10922
- Шейгал Е.И. 2004. Семиотика политического дискурса. Москва, Гнозис, 324 с.
- Щекотин Е.В., Мягков М.Г., Гойко В.Л., Кашпур В.В., Коварж Г.Ю. 2020. Субъективная оценка (не)благополучия населения регионов РФ на основе данных социальных сетей. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 1(155): 78–116. DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.05
- Bliuc A.-M., Chidley A. 2022. From cooperation to conflict: The role of collective narratives in shaping group behaviour. *Social and Personality Psychology Compass*, 16(7): e12670. DOI: 10.1111/spc3.1267
- Jiang S., Liu X., Chi X. 2022. Effect of writing style on social support in online health communities: A theoretical linguistic analysis framework. *Information and Management*, 59(6): 103683. DOI: 10.1016/j.im.2022.103683
- Juraković L., Tatković S., Radulović P. 2022. Students' Attitudes Towards Online Teaching and Communication During the Coronavirus Pandemic. *Journal of Learning for Development*, 9(2): 253–266. DOI: 10.56059/jl4d.v9i2.619

- Moscatelli S., Rubini M. 2021. Is Group-Directed Praise Always Welcome? Reactions to Ingroup and Outgroup Praise Depend on Linguistic Abstraction. *Journal of Language and Social Psychology*, 40: 439–458. DOI: 10.1177/0261927X211000838
- Sahebi S., Formosa P. 2022. Social Media and its Negative Impacts on Autonomy. *Philosophy and Technology*, 35(3): 1–24. DOI: 10.1007/s13347-022-00567-7
- Simaeva I.N., Budarina A.O. 2021. Self-preservation attitudes of youth and adolescents during the COVID-19 pandemic. *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*, 13(4): 75–98.
- Wojcieszak M., Sobkowicz P., Yu X., Bulat B. 2022. What Information Drives Political Polarization? Comparing the Effects of In-group Praise, Out-group Derogation, and Evidence-based Communications on Polarization. *International Journal of Press/Politics*, 27(2): 325–352. DOI: 10.1177/19401612211004418

References

- Alieva T.V. 2013. Yazykovye sredstva realizatsii kontseptual'noy oppozitsii «svoj – chuzhoy» v britanskom politicheskom diskurse [Linguistic Means of Implementing the Conceptual Opposition “Friends and Foes” in British Political Discourse]. Abstract dis. ... cand. philol. Sciences. Moscow, 28 p.
- Blakar R.M. 1987. Jazyk kak instrument social'noj vlasti. In: Jazyk i modelirovanie social'nogo vzaimodejstvija [Language and Modeling of Social Interaction]. Moscow, Progress: 88–125.
- Grigor'eva E.G. 2020. Kontseptual'naya oppozitsiya «my – oni» v amerikanskom politicheskom diskurse (na primere posleвыbornoy rechi D. Trampa) [Conceptual opposition “we – they” in American political discourse (on the example of D. Trump's post-election speech)]. In: Fundamental'naya nauka i tekhnologii – perspektivnye razrabotki [Fundamental science and technology - promising developments]. Proceedings of the XXIV International Scientific and Practical Conference, North Charleston, December 7–8, 2020. Morrisville, Publ. LuluPress, Inc.: 227–230.
- Gridina T.A., Konovalova N.I. 2021. Speech representants of ethnostereotypes in modern political communication in the light of the opposition “owns – alien”. *Lingvokul'turologiya*, 15: 47–56.
- Deik van T. A. 1989. Jazyk. Poznanie. Kommunikacija [Language. Cognition. Communication]. Moscow, Progress, 312 p.
- Egorov V.K. 2020. Yet again on the contents of friend or foe dichotomy. *Communicology*, 8(1): 138–154. DOI: 10.21453/2311-3065-2020-8-1-138-154
- Ivanova A.A. 2016. Semanticheskie polya oppozitsii «my – oni» v sovremennom russkom yazyke [Semantic fields of the opposition “we – they” in modern Russian]. In: Aktual'nye voprosy organizatsii volonterskoy deyatel'nosti v ramkakh podgotovki k universiade 2019: lingvoperevodcheskiy, psikhologo-pedagogicheskiy, organizatsionno-upravlencheskiy i sotsial'nyy aspekty [Topical issues of organizing volunteer activities in preparation for the Universiade 2019: linguistic translation, psychological and pedagogical, organizational, managerial and social aspects]. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Krasnoyarsk, October 20–21, 2016. Vol. II. Ed. Zh.A. Serzhanova. Krasnoyarsk, Publ. Sibirskiy gosudarstvennyy tekhnologicheskyy universitet: 63–65.
- Issers O.S. 2017. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi [Communicative strategies and tactics of Russian speech.]. Ed. N.A. Kupina. Moscow, Publ. LENAND, 308 p.
- Kardinskaya S.V. 2019. Discursive practices of intolerance and xenophobia in the student environment (based on focus groups with students of spbsud). In: Sovremennyye SMI v kontekste informatsionnykh tekhnologiy [Modern media in the context of information technology]. Collection of scientific papers of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference – 2018, St. Petersburg, April 16, 2018. Ed. N.B. Lezunova. Sankt-Peterburg, Publ. Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet promyshlennykh tekhnologiy i dizayna: 65–72.
- Krasil'nikova N.A. 2005. Oppozitsiya «my» – «oni» v diskurse ekologicheskikh dvizheniy Anglii, Rossii i SShA [Opposition “we” – “them” in the discourse of environmental movements in England, Russia and the USA]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Lingvistika*, 15: 85–102.
- Labutina V.V., Topchiy I.V. 2020. The “we” - “they” opposition in the discursive practice of comments on network media content. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, 1: 101–105 (in Russian).
- Lotman Yu.M. 1996. Vnutri mysljashhih mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya [Inside the thinking worlds. Man – Text – Semiosphere – History]. Moscow, Languages of Russian culture, 464 p.

- Ponomarenko I.N., Kryzhanovskaya V. A., Segal N. A. 2020. Asymmetrical basis of the antithesis with the opposition self / other in modern mediatexts. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 3: 111–116 (in Russian). DOI: 10.20916/1812-3228-2020-3-111-116
- Salimova R.M. 2021. The binary opposition “own” - “alien” as illustrated by british media sphere. *Bulletin of Chelyabinsk State University, Philology Sciences. Iss.:* 126: 158–163 (in Russian). DOI: 10.47475/1994-2796-2021-10922
- Sheygal E.I. 2004. Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of political discourse]. Moscow, Publ. Gnozis, 324 p.
- Shchekotin E.V., Myagkov M.G., Goyko V.L., Kashpur V.V., Kovarzh G.Yu. 2020. Subjective measurement of population ill-being/well-being in the russian regions based on social media data. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 1(155): 78–116 (in Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.05
- Bliuc A.-M., Chidley A. 2022. From cooperation to conflict: The role of collective narratives in shaping group behaviour. *Social and Personality Psychology Compass*, 16(7): e12670. DOI: 10.1111/spc3.1267
- Jiang S., Liu X., Chi X. 2022. Effect of writing style on social support in online health communities: A theoretical linguistic analysis framework. *Information and Management*, 59(6): 103683. DOI: 10.1016/j.im.2022.103683
- Juraković L., Tatković S., Radulović P. 2022. Students’ Attitudes Towards Online Teaching and Communication During the Coronavirus Pandemic. *Journal of Learning for Development*, 9(2): 253–266. DOI: 10.56059/jl4d.v9i2.619
- Moscatelli S., Rubini M. 2021. Is Group-Directed Praise Always Welcome? Reactions to Ingroup and Outgroup Praise Depend on Linguistic Abstraction. *Journal of Language and Social Psychology*, 40: 439–458. DOI: 10.1177/0261927X211000838
- Sahebi S., Formosa P. 2022. Social Media and its Negative Impacts on Autonomy. *Philosophy and Technology*, 35(3): 1–24. DOI: 10.1007/s13347-022-00567-7
- Simaeva I.N., Budarina A.O. 2021. Self-preservation attitudes of youth and adolescents during the COVID-19 pandemic. *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*, 13(4): 75–98.
- Wojcieszak M., Sobkowicz P., Yu X., Bulat B. 2022. What Information Drives Political Polarization? Comparing the Effects of In-group Praise, Out-group Derogation, and Evidence-based Communications on Polarization. *International Journal of Press/Politics*, 27(2): 325–352. DOI: 10.1177/19401612211004418

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 16.08.2022

Поступила после рецензирования 23.01.2022

Принята к публикации 10.03.2023

Received August 16, 2022

Revised January 23, 2022

Accepted March 10, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Саркисова Анна Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, младший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории прикладного анализа больших данных, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Россия

Александрова Юлия Константиновна младший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории прикладного анализа больших данных, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anna Yu. Sarkisova, Candidate of Philology, Associate Professor, Junior Researcher, Research Laboratory of Applied Big Data Analysis, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

Julia K. Alexandrova, Junior Researcher, Research Laboratory of Applied Big Data Analysis, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia